

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ РОБЕРТА ЛУИСА СТИВЕНСОНА

В данной статье рассматривается влияние, которое оказало религиозное противостояние Англии и Шотландии на творчества Стивенсона, в частности, на его подход к вопросам веры, отразившиеся, в рассказе «Олалла».

Религиозное противостояние Англии и Шотландии, так же как и внутригосударственные противоречия в вопросах веры подрывали католические устои Шотландии. Подписание Эдинбургского договора стало тем поворотным шагом, который предопределил переход Шотландии в лоно пресвитерианской церкви, опирающейся на учение Жана Кальвина – кальвинизм. Выросший в атмосфере приверженности кальвинизму, насаждаемому и отцом семейства, Томасом Стивенсоном, и няней, Элис Каннингем, чье воспитание во многом сформировало мир творческих фантазий Р. Л. Стивенсона, будущий писатель поначалу не раз пытался противостоять религиозным догматам, но впоследствии сам же нашел в вере опору от преследующих его страхов и не раз прибегал в художественных текстах и письмах к библейским аллюзиям. Полнее всего животрепещущие для него вопросы веры Стивенсон ставит и пытается разрешить в рассказе «Олалла».

Ключевые слова: *вопросы веры, кальвинизм, духовная депривация, религиозная тематика, «Олалла», пример творческой сублимации, духовный кризис, библейские аллюзии*

На подходы Стивенсона к вопросам веры определенное влияние оказало религиозное противостояние Англии и Шотландии. В основе противостояния, порой доходившего до открытой враждебности, соседствующих Англии и Шотландии лежали религиозные разногласия, приводившие к открытым столкновениям в течение нескольких веков вплоть до объединения под общей короной королем Иаковым I двух королевств, что формально – на государственном уровне – являлось попыткой разрешить конфликт. Шотландия до конца XVI века была неукоснительно верна католицизму и поддерживала тайные родственно-дружественные связи с Францией (в Шотландии в XVI столетии было даже два так называемых «французских регентства» /<https://www.e-reading.club/chapter.php/1018375/266/Shotlandiya./>), а враждебная ей Англия не упускала случая побольнее уколоть северного соседа. Англия разорвала связи с Римом, в английском королевстве утвердился протестантизм в виде англиканства, церковь оказалась подчиненной не

Папскому престолу, а лично королю. Желая насадить англиканство в Шотландии, английский король Генрих VIII хотел заключить брак между своим сыном и наследницей шотландской короны Марией Стюарт, но натолкнулся на яростное сопротивление шотландских вельмож. В отместку Генрих вторгся в Шотландию и разорил Лоуленд, чем еще больше ожесточил шотландцев против англичан¹.

Реформация, приведшая к внутрицерковному расколу, несмотря на стремление сохранить свою религиозную *самость*, неминуемо должна была проникнуть и в Шотландию, и сам факт, что на государственном уровне учение Лютера было под запретом, провоцировал брожение умов, а радикальный message лютеранства, в центре которого находилось «учение об оправдании по милости Божией (по благодати) через веру» /www.lhf.ru> pierg 1/ обрело много сторонников среди жителей Шотландии. Ведущими проповедниками реформации стали Уильям Уишард и Джон Нокс, ярые поборники протестантизма. В мае 1546 года во главе с Джоном Ноксом заговорщики, объединившиеся с целью провести в Шотландии церковную реформу, захватили замок в Сент-Эндрюсе, забаррикадировались в нем и призвали на помощь английские войска, но, продержавшись в осажденном замке больше года – вплоть до июля 1547 года, были осаждены и захвачены в плен французским флотом. После двухлетнего заключения Джон Нокс вернулся из французского плена на родину, и, став епископом, с амвона призывал всех в лоно протестантизма. Когда при Марии Тюдор, взошедшей на английский престол в 1553 году, католицизм стал набирать силу, Нокс удалился в Германию, затем – в Женеву, став приверженцем кальвинизма. В 1555 году, по возвращении в Шотландию, этот апологет реформации обрушил свои инвективы на королеву мать, сделав ее мишенью своих атак. При Елизавете, взошедшей на английский престол в 1558 году, протестантизм бесповоротно признается государственной религией Англии, и начинаются переговоры с шотландской протестантской конфессией. Эдинбургским договором Елизавета признана была королевой Англии, а также обеспечивался вывод из Шотландии как английских, так и французских войск. Фактически это событие предопределило победу протестантизма в Шотландии и стало первым шагом к объединению двух государств. Шотландский парламент отменил подчинение церкви Папе Римскому и запретил католическое богослужение. Так образовалась шотландская пресвитерианская церковь, основываясь на учение Жана Кальвина, вдохновенным приверженцем которого был Джон Нокс.

Когда в VII веке Чарльз II попытался восстановить епископат в Шотландии, священники Национального Соглашения организовали восстание. В своей героической попытке сохранить «чистоту веры» и выступить против английской проскрипции проповедники кальвинизма потерпели поражение, но оставили неизгладимый след в генетической памяти своего народа:

«Хорошие кальвинисты ... предопределены к благодати и стремятся к смерти во имя веры» /Daiches, 1973: 28/. Коллективная память шотландцев оказалась неразрывно связанной с тем религиозным наследием, которое стало неотъемлемой частью их истории.

Неразрывными узами связанным с историческим прошлым своей страны, с ее мифологией и с ее религиозной доктриной был и Р. Л. Стивенсон, писатель, в чьих работах, по утверждению его биографа Грехема Белфура «прослеживается сильное воздействие веры на формирование характера Стивенсона» /<https://archive.org/details/liferobertlouis07balfgoog/>. С детства воодушевленный историями о героическом прошлом родных краев, Стивенсон ощущал себя наследником не только воинственного гена клана Мак-Грегоров, но и суровых и непреклонных поборников веры – священников, готовых во имя своих религиозных взглядов принять мученическую смерть и воплотивших в глазах будущего писателя патриотический дух прошлого его страны. Это высказывание, записанное его матерью, когда ему было четыре: «Лу сказал: «Ты никогда не будешь хорошим, пока не помолишься». Когда я спросила, откуда он это знает, он ответил: «Потому что я пробовал» /<https://www.gutenberg.org/files/24332-h/24332-h.htm/>. Нетрудно заметить, что детство Стивенсона было более чем проникнуто религиозными идеями, и каждый раз размышляя о вере, он будто возвращался в детство. Доминирующую роль в почти что «одержимости» Стивенсона вопросами религии и веры сыграла его няня Камми. Ярым кальвинистом был отец Луиса, что создавало множество препон для принятия Стивенсоном младшим каких-либо самостоятельных решений в период его взросления. Родители писателя хотели, чтобы он пошел по стопам отца: «С их точки зрения это было самым естественным и разумным, обеспечило бы ему положение в обществе и материальный успех и удержало бы при них, а верность пресвитерианству служила порукой воссоединения семейного кружка на небесах. Стивенсон был иного мнения, как и многие сыновья из викторианских семей, но вряд ли кому-нибудь приходилось так жестоко сражаться против столь значительно превосходящих сил» /Олдингтон, 1973: 35/. Результатом этого противоборства с жесткой родительской установкой стал глубокий духовный кризис, который Луис переживал в 1872-74-ом годах. Его кузен Боб, студент Кембриджа, оригинал и разрушитель общепринятых устоев, основал в университете клуб «Свободы, справедливости и равенства», открыто пропагандирующий атеизм и признающий за всеми членами клуба «конституционное право» пренебречь всем тем, что пытались привить им родители. В 1872 году Луис отозвался на эти брожения умов в эссе под названием «Вопросы о взаимосвязи между учением Христа и современным христианством», и можно только вообразить реакцию Стивенсона старшего, все свои надежды возлагавшего на единственного сына и наследника, когда эти записи попались ему на глаза. Связав

религиозные сомнения Роберта Луиса с его бездельем в университете и «злополучными мистификациями», которыми увлекались молодые люди, мистер Томас Стивенсон гневно обрушился на Боба, обвиняя его в том, что он разрушил веру Луиса: «Я сидел у себя, читал Джона Нокса, как вдруг распахнулась дверь, и в комнату вошел Боб: закрыв лицо руками, он рухнул в кресло и разрыдался. Сперва он почти не мог говорить, но, наконец, к нему вернулся дар речи, и я узнал, что он пришел повидаться со мной, но по дороге встретил отца, и между ними произошел только что окончившийся разговор. Теперь есть, по крайней мере, один человек, который знает, с чем мне приходится сталкиваться каждый день, и какую бурю чувств может поднять мой отец, когда он сам в волнении. Я так устал душой и телом, что не могу писать дальше, чтобы рассказать вам сегодня, к чему привела их беседа. Расстались они мирно, отец сказал, что желает ему всяческого счастья, но умолял, как о единственной милости, которую Боб может ему оказать, никогда больше не показываться ему на глаза» /Олдингтон, 1973: 63/. Как отмечает биограф Р. Олдингтон, «обвинение это он [отец: уточнение наше: А. А.] честно снял, когда, успокоившись и поразмыслив, увидел его несправедливость, ибо такой человек, как Р. Л. С., не нуждался в подстрекательстве к бунту» /Олдингтон, 1973: 45/.

И вот в ночь 30 января 1873 года, в своем доме в Эдинбурге Роберт Луис Стивенсон объявил своим родителям, что он больше не верит в Бога. Стивенсон никогда не был глубоко одержим религией, тем более на том этапе жизни для него приоритетными были другие – насущные – проблемы, часто упирающиеся в финансовую зависимость от родителей: «Они не хотят понять, что для меня все это тоже не шутки... Я верую так же как они, только веруем мы с ними в разные вещи; я не менее честен в своих взглядах, и пришел к ним после долгих раздумий, многого (как я сказал им) я еще окончательно не решил, так как мне не хватает знаний; но называть меня «ужасным атеистом», по-моему, несправедливо, и, признаюсь, мне трудно проглотить то, что отец ежедневно обрушивает на меня все громы господни» /Олдингтон, 1973: 62/. Заявив своим родителям, что он больше не верит в то, во что верят они, вероятно, он сделал попытку осознать свою собственную идентичность: «Я религиозен по-своему, но я вряд ли достаточно храбр, что бы выдвигать свою собственную теорию, пограничную между жизнью и смертью ... Вот и наши убеждения и вся наша философия, мне кажется, потерпели провал» /<https://archive.org/details/cu31924029095053/>. В одном из своих произведений Стивенсон говорит устами одного из персонажей: «Вера – не значит верить в Библию, а значит верить в Бога; если поверишь в Бога, останется в сердце ли место для страха? ... Если ты уверен, что Бог, в конечном счете, означает доброту, тогда ты должен быть счастливым; и если ты счастлив, то, разумеется, ты должен быть и добрым» /<http://lingualeo.com/ru/jungle/the-merry-men-robert-louis-stevenson->

15074#/page/105/. Как отмечает Честертон, Стивенсона, родившегося в пресвитерианской стране и воспитанного в традиции пуританизма, сформировали три фактора, три определяющих, можно сказать, «К» – кальвинизм, катехизис и Камми². Так, с детства любимым занятием Роберта Луиса была «игра в церковь», когда, вообразив себя проповедником, он вещал с самодельной кафедры, а уже в трехлетнем возрасте задался вопросом: «Почему Бог сотворил ад?» /<http://www.gutenberg.org/cache/epub/622/pg622-images.html/>. Сакральный трепет ребенка перед адом раскрывается в следующей цитате: «Я бы не только бодрствовал, чтобы оплакивать Иисуса, что я делал много раз, но я бы не доверял себе, как бы не заснуть, ибо не буду принятым и промахнусь, просыпаясь в вечных муках» /<http://www.gutenberg.org/cache/epub/622/pg622-images.html/>.

Вспоминая детство, Стивенсон пишет: «Они обходились со мною ласково, но не всегда достаточно разумно, и вредней всего было стремление Камми как можно скорее сделать из меня образец благочестия. Я уже говорил о том, как жестоко вводить ребенка в скопище зловещих теней, нависших над жизнью человеческой, но нельзя забывать, что это к тому же неразумно ... Представление о грехе, безоговорочно закрепленное за определенными действиями, не только не отвращает молодые умы, но очень скоро начинает оказывать на них притягательное влияние. Немного, пожалуй, сыщется набожных детей, которые в то или иное время не испытали бы кощунственного соблазна в недвусмысленных выражениях отречься от бога и не поддались бы этому искушению. Ужас этого поступка, свершенного в одиночестве под голубыми небесами; немощный голосишко, звенящий в полуденной тишине; паническое бегство с места дерзостного преступления – все это неизгладимо врезается в память. Но хуже всего романтический ореол, которым наделяется сомнительный поступок, так что в конце концов ребенок начинает думать, что нет ничего доблестней, чем пасть жертвой небесной кары прямо во время какой-нибудь особенно скверной выходки. Я никогда уже не буду ничего делать с таким увлечением, как в детстве, когда я вытворял какую-нибудь гадость потому лишь, что она греховна. Главным же следствием этой ложной, вульгарной доктрины греха обычно является преувеличенный интерес к отношениям между мужчиной и женщиной. Истинная доктрина оказывает совсем иное действие, но ее лучше преподносить детям от случая к случаю и в связи с общими представлениями о добре и зле» /<http://www.lib.ru/STIVENSON/statji.txt/>.

И, естественно, напрашивается вопрос: о какой всепоглощающей любви или милости Божьей во Христе, постулируемой кальвинизмом, может идти речь, если с детства ребенка преследует страх перед адской бездной, и насколько доктрина о спасении по благодати через веру во Христа, официально принятая шотландской церковью (или, по крайней мере, ее

интерпретация в устах необразованной и религиозно фанатичной няни) могла повлиять на формирование внутреннего мира чуткого ребенка? Как бы то ни было, духовная депривация привела к развитию меланхолии, вспышки которой преследовали Стивенсона до конца жизни и сублимировались временами на страницах созданного писателем. Явственнее всего религиозная тематика затрагивается и влияет на ход событий в историческом романе «Черная стрела» и, в особенности, в рассказе «Олалла». В романе, охватывающем сюжетно определенный отрезок истории, лейтмотивно дана религиозная тема через такие фразы, как «святые помогают нам... и Пресвятая Дева защищает его... Святые, это наши щиты» /Стивенсон, 1981: 243, 277/.

В рассказе «Олалла», избрав местом действия Испанию, Стивенсон делает свою героиню последовательницей католицизма, и вложенные в ее уста слова «мы должны... **искупать**» /Стивенсон, 1981: 252/ в основе своей задевают протестантское вероисповедание, поскольку а priori опровергают доктрину Нового Завета о спасении по благодати. Олалла предстает перед героем рассказа и его читателями непогрешимой, почти что в ореоле святости, вознося перед распятием молитвы всевышнему, черпая в вере твердость духа и не сходя с нравственного пути, не поддаваясь любовному чувству. Олалла, сумевшая подняться над собственной животной сущностью, усугубленной генетикой, избирает путь добровольного отречения, своего рода анахорезы, заточив себя до конца дней в отдаленном наследственном замке, ибо удел истинно верующего – беспрекословно положиться на создателя, вверившись его высшей воле. Олалла осознает всю двойственность своего существа и подобно античному историку, утверждавшему, что «все наше существо разделяется на дух и тело... Духом мы владеем наравне с богами, а телом наравне со зверем» /Саллюстий, 1970: 35/, замечает: «Линия, которая связывает меня с безжизненными вещами с одной стороны, и с нашим безупречным и сострадающим Богом с другой, нечто жестокое и божественное» /Стивенсон, 1981: 217/. Некоторые из читателей-почитателей Стивенсона, как и некоторые из его критиков, ставят рассказ «Олалла» выше большинства его работ, в том числе и рассказа «Маркхейм», поскольку, по их убеждению, трагедия дурной наследственности и дегенерация человеческой сущности даны здесь с документальным правдоподобием и могут трактоваться как еще один наглядный пример пророчества Стивенсона-писателя. Но именно анималистическая сущность, слишком явственно проступающая в каждом из утративших человеческий облик членов некогда славного аристократического рода – в Олалле, ее матери и брате, создает тот флер очарования, под обаяние которого попадают и герой-рассказчик, и читатели повествования. Образы, созданные воображением Стивенсона, словно вобрали в себя ту противоречивость, ту двойственность облика самого писателя, которая найдет в дальнейшем свое окончательное (как через

внешнее, так и через внутреннее противостояние) разрешение в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда».

По замечанию Грехема Белфура, описывающего своего кузена, «во всех его движениях сквозило изящество: каждый жест его был полон неосознанной грации, а его упругая походка напоминала поступь дикого зверя» /<https://archive.org/details/liferobertlouis07balfgoog/>. В определенные моменты, по слову биографа, этот фавноподобный облик проступал в нем с особой интенсивностью, и тогда это преобладание звериного начала над человеческим приводило к эффекту культурного отчуждения, на время разрушающего чувство взаимопонимания с ним у окружающих его людей. Будучи человеком, глубоко нравственным и живущим интенсивной духовной жизнью, Стивенсон, по мнению Белфура, был наделен настолько ярко выраженной чувствительностью, «его чувства были так сильны, а воображение работало так интенсивно» /Kiely, 1965: 66/, что порой страсть возобладала над духом, а религиозное чувство отступало перед сиюминутным увлечением и порывом. Поэтому не случайно, что Стивенсона «одни называли христианским теологом, а другие атеистом» /Kiely, 1965: 66/.

В его письмах и художественных текстах можно найти и выделить множество библейских аллюзий, а сам писатель однажды заявил, что ничто не может удержать шотландца от богословской дискуссии. Религиозная погруженность, порой доходящая до фанатизма, не оставляла его на протяжении всей его жизни: «Я чувствую, что с каждым днем религия становится все интереснее для меня; но этот интерес неизменно направлен на положение наших – человеческих – судеб в этом беспокойном и хаотичном мире на данный момент. И это занимает все мои мысли» /<http://www.gutenberg.org/cache/epub/622/pg622-images.html/>. В 1878 году Луис писал из Парижа отцу: «Я еще продолжаю верить в себя и в своих близких и во Всевышнего, создавшего всех нас... Но я еще полон надежд, еще верую, еще вижу и надеюсь обрести утешение в Божественном и цепляюсь за него. Это немного, пожалуй, но это хоть что-то... В Библии есть замечательный текст о том, что для тех, кто любит Господа, все сложится благополучно. Это и вправду странный мир, но он содержит послание Бога всем тем, кто его алкает» /<http://www.gutenberg.org/cache/epub/622/pg622-images.html/>.

Он пытался постичь тайную суть жизни, увидеть и осознать «всю красоту и весь ужас этого мира», вобрать в себя и выплеснуть на страницах своих произведений «квинтэссенцию человеческого опыта», но не смог все-таки найти подходящую формулу, которая бы их выражала: «Странно, что Бог должен беспокоиться, ... о том, что забыл объяснить мне, как это делается» /<https://www.poetryloverspage.com/poets/stevenson/collections/underwoods.html/>, – сетовал Стивенсон. По Стивенсону, вера – это не безоговорочное принятие изложенного в Библии, а беспрекословная вера в Бога.

В самом печальном и, в то же время, дерзком стихотворении из всего им когда-либо написанного Стивенсон обращается к Богу: «Господи, эта ли вера:

Вечно стремиться и терпеть неудачу и вновь начинать все сначала,
И быть изгнанным на землю из рая и подняться из праха,
И бороться за иллюзию *божественного* Слова и за все то, что незримо...
Господи, достаточно ли этого?»

[/http://marywoodsblog.blogspot.am/2014/05/stevensons-impossible-dream-if-this.html/](http://marywoodsblog.blogspot.am/2014/05/stevensons-impossible-dream-if-this.html/).

В другом стихотворении он вновь апеллирует к Богу, на этот раз, сводя обращение к формату «бытового диалога с богом»: «До сих пор я следовал,

Господи, твоей воле;
И по сей день следуя ей, Господи, и по-прежнему вопрошаю Тебя.
Я прислушиваюсь к гласу твоему, Господи,
Я внимаю ему в ночи, и Твоей воле внемлю.

Вот споем, и посплю, и больше не буду вопрошать»

[/http://marywoodsblog.blogspot.am/2014/05/stevensons-impossible-dream-if-this.html/](http://marywoodsblog.blogspot.am/2014/05/stevensons-impossible-dream-if-this.html/).

Переход от теории к практике в вопросе религиозной веры вряд ли может быть сформулирован более ясно и определенно, чем в его собственном обращении к студентам Самоа: «Смысл религии – определять четкие правила жизни, где руководствуешься исключительно чувством долга и поступаешь по совести; и эти правила написаны на скрижалях духа, незримых, как тысячи фонарей для слепого человека» [/https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.77086/](https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.77086/). Не будет преувеличением сказать, что на свой лад он обрелся в боге и изо всех сил старался следовать его [божественному: уточнение наше: А.А.] промыслу.

Пройдя свой собственный крестный путь соблазнов и отрешений, своим фантазиям и фантомам дав выход в процессе творческой сублимации, сражаясь с преследующими его кошмарами, Стивенсон становится *рыцарем веры*, ибо, если «вера в Бога сильна, у страха нет шансов».

ПРИМЕЧАНИЕ

1. С тех пор как в 1371 году династия Стюартов взошла на Шотландский престол, война с Англией возобновилась, усугубленная религиозными противоречиями. Во время «авиньонского кризиса» или великой схизмы 1378-ого, англичане поддерживали Папу Урбана VI, а Шотландия, как и Франция, – Климента VII. Герцог Ван Кастер осадил и сжег Эдинбург, а шотландцы разбили англичан в битве при Оттерберне (Battle of Otterburn) [/www.e-reading.club/chapter.php/sho.../](http://www.e-reading.club/chapter.php/sho.../).

2. Камми, она же Эллис Канингем – няня Стивенсона, чьи убеждения, невольно навязываемые невежественной женщиной с богатой фантазией болезненному мальчику, значительно повлияли на формировании детского сознания /<https://fantlab.ru/autor3182/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Daiches D. Robert Louis Stevenson and His World. London: Thames and Hudson, 1973.
2. Kiely R. Robert Louis Stevenson and the Fiction of Adventure. Cambridge: Harvard University Press, 1965.
3. Саллюстий Г. К. Заговор Катилины // Историки Рима. Москва: Художественная литература, 1970.
4. Олдингтон Р. Стивенсон. Портрет Бунтаря. Москва: Молодая гвардия, 1973.
5. Стивенсон Р. Л. Собрание сочинений в пяти томах. Москва: Правда, 1981.
6. <https://www.poetryloverspage.com/poets/stevenson/collections/underwoods.html>
7. <https://fantlab.ru/autor3182>
8. [www.e-reading.club>chapter.php>sho...](http://www.e-reading.club/chapter.php/sho...)
9. <https://www.gutenberg.org/files/24332/24332-h/24332-h.htm>
10. <http://lingualeo.com/ru/jungle/the-merry-men-robort-louis-stevenson-15074#/page/105>
11. <http://www.lib.ru/STIVENSON/statji.txt>
12. <http://www.gutenberg.org/cache/epub/622/pg622-images.html>
13. <http://marywoodsblog.blogspot.am/2014/05/stevensons-impossible-dream-if-this.html>
14. <https://archive.org/details/cu31924029095053>
15. <http://www.gutenberg.org/cache/epub/637/pg637.html>
16. [http://www.lhf.ru> piepr](http://www.lhf.ru/piepr)
17. <https://archive.org/details/liferobertlouis07balfgoog>
18. <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.77086>

Ա. ՀԱԿՈՐՅԱՆ – Ռոբերտ Լուիս Սթիվենսոնի կրոնական հայացքները. –

Հոդվածում ուսումնասիրվում է Անգլիայի և Շոտլանդիայի կրոնական բախումների ազդեցությունը Սթիվենսոնի հավատքի ձևավորման վրա, որը հատկապես արտացոլված է հեղինակի «Օլալա» պատմվածքում:

Անգլիայի և Շոտլանդիայի կրոնական առճակատումներն ու հավատքի հարցերում ներքաղաքական հակասությունները խթանում էին Շոտլանդիայի կաթոլիկ եկեղեցու հիմքերը: Էդինբուրգյան համաձայնագրի ստորագրումը դար-

ծավ հենց այն բեկումնային քայլը, որը կանխորոշեց Շոտլանդիայի անցումը պրեսբիտերական եկեղեցուն, որը հենվում է ժան Կալվինի ուսմունքների վրա: Հասակ առնելով կալվինիզմին հավատարիմ լինելու մթնոլորտում, ինչը պարտադրվում էր թե՛ ընտանիքի հոր՝ Թոմաս Սթիվենսոնի և թե՛ դայակի՝ Էլիս Քանինգեմի կողմից, ում դաստիարակությունն էլ ձևավորել է Ռ. Լ. Սթիվենսոնի ստեղծագործական երևակայության աշխարհը՝ ապագա գրողը սկզբում մեկ անգամ չէ, որ փորձել էր հակադրվել կրոնական դոգմաներին, բայց արդյունքում նա հենց կրոնի մեջ է գտնում աջակցություն իրեն հետապնդող վախերից և բազմիցս դիմում է բիբլիական ակնարկներին իր գեղարվեստական ստեղծագործություններում և նամակներում: Իրեն հուզող կրոնական հարցերին Սթիվենսոնն առավել լիարժեք անդրադառնում է «Օլալա» պատմվածքում:

Բանալի բաներ. հավատքի խնդիրներ, կալվինիզմ, հոգևոր զրկանք, կրոնական թեմաներ, «Օլալա», ստեղծագործական սուբլիմացիայի օրինակ, հոգևոր ճգնաժամ, աստվածաշնչյան ակնարկներ

A. HAKOBYAN – Robert Louis Stevenson's Religious Views. – This paper examines the influence of religious confrontation between England and Scotland on Stevenson's approaches to the problems of faith particularly reflected in his short story "Olalla". Religious confrontation of England and Scotland, as well as the intrastate contradictions in matters of faith disrupted the Catholic foundations of Scotland. The signing of the Edinburgh Agreement was a turning point, which predestined the transition of Scotland into the Presbyterian Church, which is based on the doctrine of John Calvin – Calvinism. Growing up in an atmosphere of commitment to Calvinism, which was enforced both by his father, Thomas Stevenson, and the nurse, Alice Cunningham, Stevenson at first tries to resist the religious dogmas, but then finds support in the faith. He often uses the biblical allusions in the literary texts and letters. These palpitating faith matters are most completely expressed in the story "Olalla".

Key words: faith issues, Calvinism, spiritual deprivation, religious subjects, "Olalla", an example of creative sublimation, spiritual crisis, biblical allusions